

вычным отступлением от сюжета в литературные рассуждения), картины «мелкого» быта маленьких людей с очень конкретными деталями «низкого» пейзажа и мещанского интерьера и, наконец, особый стиль «простодушного» показа действующих лиц с определенными портретными деталями. Эта система удовлетворяла потребности «натуральной школы» в социальном обновлении литературного материала: к переходу от великосветских тем и обстановки, к обрисовке «простых» людей с их «простыми» обиходом в атмосфере проповеди человечности и сочувствия горю и радости малых людей. Перестройке эстетической, с отказом от норм традиционной «красивости», соответствовал и пересмотр моральных норм официальной этики. Обращение к малым людям сопровождалось и пересмотром вопроса о добре и зле. Поэтому новым повестям свойственна позиция «несуждения» и «прощения», признания права на заблуждение. Создается то особое отношение к поведению героев, которое подготавливает появление в 60-х годах таких образов, как Мармеладов и его дочь Соня. Натуральная школа нашла в Пушкине тот «поворот» к народу, о котором Достоевский, сам испытавший влияние Пушкина, писал в 1876 году.

Т. А. Китанина

(Санкт-Петербург, Россия)

ПРЕДАНИЕ О ВАДИМЕ НОВГОРОДСКОМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДРАМЕ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX В., ИЛИ ПОЧЕМУ ПУШКИН ТАК И НЕ НАПИСАЛ ТРАГЕДИЮ «ВАДИМ»

Предание о Вадиме, новгородском князе или посаднике, который пытался противостоять варягу Рюрику, воцарившемуся в Новгороде, очень скупо отражено в немногих (и сравнительно поздних) летописных источниках (в Никоновской летописи (XVI в.), например, сказано: «Того же лета оскорбишася новгородци, глаголюще: “яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его”. Того же лета уби Рюрик Вадима храбраго, и иных многих изби Новгородцев съветников его”»¹). Это первое летописное свидетельство — остальные не более подробны. Но со второй половины XVIII в. это предание неожиданно стало привлекать внимание как историков, так и литераторов, обретя со временем богатую традицию литературных обработок. Причем в литературе оно возникало в различных по направленности, но, как правило, острополитических произведениях. Туманное летописное свидетельство давало почти неограниченные возможности для интерпретаций, служащих решению различных идеологических задач.

О традиции литературной обработки сюжета о Вадиме Новгородском написано достаточно много², поэтому в настоящей работе не ставится задача еще раз подробно охарактеризовать все возможные пушкинские источники. Здесь мы попытаемся выделить в этой традиции

лишь одну линию, которая, как кажется, сыграла роковую роль в судьбе пушкинского замысла.

Первым Вадима использовал в своих целях М. В. Ломоносов. В «Древней Российской истории» он развил краткое летописное свидетельство, превратив его в предание о начале русской государственности, о первом правителе, первом бунте и уничтожении этого бунта на корню раз и навсегда: «...некто знатный новгородец, именем Вадим, человек, склонный к общенародному прежнему владению <...> говорил не закрытно, что Рурик пришел привести их россам в рабство и в роды родов утвердить самодержавство. Услышав сии возмутительные речи и узнав умышление, Рурик Вадима с главными сообщниками предал смерти. И так <...> на владении утвердился непоколебимо»³. Екатерина II, которой принадлежит первая *драматическая* обработка сюжета⁴, напротив, постаралась лишить описываемые события значения поворотного момента российской истории: здесь нет перехода от общенародного правления к единовластию. Гостомысл, по версии Екатерины, фактически единолично правит в Новгороде и просто завещает свою власть не легкомысленному и гордому новгородскому внуку Вадиму, а более достойному внуку Рюрику. В таком случае Вадим не бунтарь против новой государственной системы, а лишь неудачливый претендент на престол и после осознания своей неправоты должен быть прощен отечески снисходительным истинным властителем, а не уничтожен раз и навсегда, как в версии Ломоносова. Итак, в первой драматической обработке сюжета Вадим, осознавший свое поражение, получает прощение Рюрика. Отсюда возникает литературная традиция, в которой, независимо от идеологической тенденции автора и вопреки летописному свидетельству, Рюрик всегда прощает Вадима (см. Я. Б. Княжнин «Вадим Новгородский» (1789); П. А. Плавильщиков «Рюрик» (1791); М. Н. Муравьев «Оскольд» (опубл. 1810)). Одновременно сохраняется и несколько противоречащая этому финалу инерция Ломоносова и других историков, заставляющая подчеркивать пограничность описываемого момента для российской истории.

В последующих литературных и исторических текстах на протяжении второй половины XVIII — начала XIX в. акценты в описании событий, связанных с призванием Рюрика, меняются неоднократно — и по самым разным причинам. Так, Княжнин в своей последней философско-политической трагедии «Вадим Новгородский» заставил двух идеальных героев отстаивать две различные формы государственного устройства — древнее народовластие и новую просвещенную монархию. И хотя в финале княжнинской трагедии народ на колених умоляет Рюрика владеть им, оба героя, проходя свой путь до конца, сохраняют право на собственное понимание народного блага. Но когда трагедия была уже передана в театр, во Франции началась революция, и появление на сцене трагедии, ставящей под сомнение только что выстроенную стройную концепцию просвещенной монархии как истинного, добровольно принятого и единственно необходимого спо-

соба существования русского общества, стало весьма нежелательным. Княжнину пришлось забрать из театра свою трагедию, уже готовившуюся к постановке, и, видимо, смертельно напуганный этой ситуацией П. А. Плавильщиков, назначенный на роль Вадима в трагедии Княжнина, немедленно создал собственную версию сюжета, где злой и жестокий завистник Вадим, понимая, что самодержавие Рюрика есть благо, из одной зависти будит в новгородцах стремление к темному и дикому безначалию. В таком варианте трагедия о Вадиме была представлена на сцене. Херасков в поэме «Царь, или Спасенный Новгород»⁵, также под впечатлением от Французской революции, доказывал, что лишь сильная власть, пришедшая со стороны, извне, способна погасить ужас междоусобицы, когда варварская идея свободы захватила умы части людей. Позднее в декабристских кругах, напротив, была весьма популярна идея о том, что власть Рюрика была иноземным насилием, уничтожившим исконное народовластие⁶. Таким образом, к 20-м гг. XIX в. оказываются сформированы основные концепции предания о Рюрике и Вадиме:

1) Рюрик — законный наследник прежних славянских правителей, Вадим — преступный завистник, преследующий личные цели;

2) противостояние исконного общенародного правления, осмысляемого а) как благо

б) как дикость,

и самодержавной власти (без акцентирования иноплеменного происхождения этой власти), Вадим в этом случае отстаивает прежнюю форму правления;

3) Рюрик — инородная власть, осмысляемая

а) как единственное спасение от междоусобицы

б) как иноземное иго,

соответственно, Вадим борется с иноземцами.

В 1820—1821 гг., когда Пушкин работал над замыслом трагедии «<Вадим>», он находился под сильным влиянием декабристского круга. Вероятнее всего, план трагедии о Вадиме Новгородском возник у него еще в конце 1820 г. в Каменке при чтении первого тома «Истории» Карамзина — на это указывают другие записи, сделанные в той же рабочей тетради (ПД 830), что и план «Вадима» и явно отражающие последовательное чтение Карамзина⁷. Однако, по-видимому, этот замысел обсуждался и активно поддерживался в кругу Владимира Раевского и Михаила Орлова — в кругу, с которым Пушкин тесно общался в Одессе летом и осенью 1821 г. Во всяком случае Раевский, арестованный в феврале 1822 г., в посланиях из темницы, обращенных в первую очередь к Пушкину, упорно призывает написать о Вадиме и напоминает: «...Пора, друзья <в одном из вариантов — “мой друг”>, пора воззвать / Из мрака век полночной славы, / Царя-народа дух и нравы / И те счастливы времена, / Когда гремело наше вече / И сокрушало издалече / Царей кичливых рамена»⁸.

Таким образом, Пушкин, уже находившийся в ссылке и поддерживаемый не слишком лояльными к власти друзьями, избрал наиболее радикальный вариант разработки сюжета и начал работать над драматическим произведением, ориентированным на «Вадима Новгородского» Княжнина. План пушкинской трагедии во многом сходен с «Вадимом Новгородским», но особенно явно сходство проступает при сопоставлении первой сцены пушкинской трагедии со второй сценой первого акта трагедии Княжнина. Почти одновременно (на следующей странице рабочей тетради (ПД 831) после этой самой «первой сцены» — единственного дошедшего до нас фрагмента трагедии, теми же чернилами и пером) Пушкин набрасывает черновик «<Заметок по русской истории XVIII века>». В окончательном варианте этих заметок появится фраза о том, что «Княжнин умер под розгами» — то есть Пушкину была известна и представлялась достоверной имевшая в то время хождение легенда о том, что Княжнин подвергся преследованию за «Вадима Новгородского» и умер во время дознания по этому делу. В таком контексте политически вызывающий и рискованный характер пушкинского замысла становится вполне очевидным.

Однако, при всей близости плана и отрывка I сцены пушкинской трагедии к «Вадиму» Княжнина, Пушкин поменял одну, на первый взгляд незначительную, сюжетную деталь: его Вадим тайно возвращается в Новгород не из победного похода, как у Княжнина (что и правда выглядит некоторой натяжкой), а из изгнания. Он говорит о новгородцах:

Безумные!.. Давно ль они в глазах моих
Встречали торжеством властителей чужих
И вольные главы под иго преклоняли —
Изгнанию моему давно ль рукоплескали?..

(VII, 245)

тем самым, к началу трагедии Вадим, не пожелавший мириться с игом властителей чужих, уже был изгнан из Новгорода народом, приветствовавшим власть Рюрика. Теперь новгородцы, жалея о своей утраченной свободе «с надеждой именуют» Вадима. Здесь Пушкин следует логике Карамзина, упомянувшего в связи с преданием о Вадиме, что «люди, привыкшие к вольности, от ужасов безначалия могли пожелать властителей, но могли и раскаяться, *ежели* варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утесняли их»⁹. Итак, по пушкинскому плану, Вадим возвращается из изгнания для того, чтобы возглавить бунт против Рюрика. В соответствии и с преданием и с литературной традицией, он терпит поражение. План третьего действия, происходящего на площади, выглядит так: «Вадим в Новгороде на вече. Вестник — толпа — Рюрик! (подчеркивание означает прямую речь. — Т. К.) Рогнеда открывает заговор — бунт — бой — Вадим перед Рюриком». По всей видимости, Вестник либо сообщает о прибытии Рюрика, либо от его имени предлагает новгородцам некий вы-

бор. Возглас толпы или указывает на появление на площади самого Рюрика, или означает сделанный народом выбор. Сцена «Вадим перед Рюриком» — финальное объяснение победителя с побежденным бунтарем — присутствует во всех драматических обработках сюжета. И, находясь во власти драматической традиции, Пушкин не мог позволить Рюрику казнить Вадима. Последний пункт плана, уже после поражения Вадима: «Вадим и Громвал, свидание, друзья детства...», свидетельствует о том, что герой, по-видимому, остался жив. Ничто в сохранившихся следах замысла не дает оснований предположить, что Пушкин думал завершить трагедию казнью героя, хотя, как правило, в пушкинских планах указание на развязку и судьбу главного героя присутствует. В таком случае, побежденный Вадим был обречен на изгнание — так что финал драмы, по сути, дублировал ее завязку, создавая циклическую структуру сюжета, что, разумеется, было невозможно в классицистической трагедии, которую пытался написать Пушкин. Все авторы, разрабатывавшие этот сюжет в XVIII в., заставляли Вадима, занимающего изначально высокое положение в обществе, всем рискнуть, все потерять и либо погибнуть (несмотря на прощение Рюрика), либо спастись и обрести новый статус. Пушкинскому Вадиму-изгнаннику нечего терять, нечем рисковать, и обрести он тоже ничего не может. Вероятно, при написании плана трагедии Пушкин еще не ощутил ловушки, в которую попал, но, написав начало первой сцены, написав цитированную выше начальную реплику Вадима, он едва ли мог не заметить, что эта реплика в меньшей степени описывает и ситуацию, возникающую после конца трагедии. Первоначальный текст сцены на этом и обрывался. Позже (судя по толщине пера и цвету чернил) Пушкин вернулся к работе над отрывком, внося в него довольно значительную правку и добавив в конце два с половиной стиха, свидетельствующих, как кажется, о том, что он осознал заикленность сюжета и пытается с ней совладать:

Теперь зовут меня — а завтра, мож<ст>, вновь...
 Неверна их вражда! неверна их любовь
 Но я не изменю —

(VII, 245)

Однако, судя по всему, решение так и не было найдено. Во всяком случае, после этой реплики никаких следов дальнейшей разработки драматического замысла мы не обнаруживаем.

Теперь вернемся немного назад. В 1803 г. было опубликовано начало сентиментальной повести В. А. Жуковского «Вадим Новгородский», положившей начало другой традиции в разработке этого сюжета. Вадим у Жуковского изображен как юный изгнанник, Новгород находится во власти «иноплеменников», которые его «терзают», Гостомысл, также изгнанный, доживает свои годы отшельни-

ком, оплакивая былую новгородскую славу. Летописная канва здесь, как видим, полностью утрачена ради сентиментального переживания изгнанничества и былого величия. Именно Вадим Жуковского — юноша-изгнанник (часто — выросший в изгнании), скорбящий об утраченном величии Новгорода на пустынном берегу Волхова или Ладоги, — станет образцом для авторов, обрабатывавших сюжет в лиро-эпической форме, по-видимому, независимо друг от друга. Таков Вадим в набросках думы Рылеева и в неоконченной поэме Хомякова («Вадим», начало 1820-х гг.). Работая над замыслом трагедии, Пушкин, изменив начальный статус героя, лишил драматический сюжет движения. Лиро-эпическая форма, ориентированная на Жуковского, напротив, предполагала переживание событий прошлого и более подходила для замысла о Вадиме-изгнаннике. И Пушкин, проведя горизонтальную черту под черновиком фрагмента трагедии, начал вплотную к нему на том же листе писать план поэмы «Вадим».

Однако, несмотря на все преимущества, которые давала форма поэмы при разработке сюжета о Вадиме-изгнаннике, главной проблемы сюжета она все же не разрешала. Жуковский, нарисовав сцену встречи Гостомысла и Вадима и изливший их общей горести, оставил свою повесть. Дальнейшее движение сюжета оставалось неясным: если герой должен был вернуться из изгнания и вступить в единоборство с Рюриком, то каков мог быть финал? Победить Вадим не мог — хотя Хомяков в своей юношеской поэме увлекся настолько, что дал Вадиму свергнуть Рюрика, но после этого так и не решил, как дальше быть с российской историей без Рюриковичей, и не завершил своего «Вадима». В таком случае оставался вполне бесславный конец, когда герой, уже бежавший от Рюрика, возвращается лишь для того, чтобы погибнуть, не нанеся ему никакого урона. Но очевидно, что такой финал не очень годился для воспевания баснословных подвигов великих витязей русской старины, чего ждали от поэмы о Вадиме Храбром. Десять лет спустя после Пушкина этот вариант реализует совсем еще юный и литературно неискушенный Лермонтов в поэме «Последний сын вольности», не ощутив ни тавтологичности финала (защитники новгородской вольности гибнут в неравном бою в его поэме трижды), ни несоответствия концовки пафосу поэмы. Но это произойдет только в 1830—1831 гг. В отличие от трагедий XVIII в., все без исключения поэмы о Вадиме начала 1820-х гг. остались незавершенными, так же как их прообраз — «Вадим Новгородский» Жуковского. Не стала исключением и пушкинская поэма, прерванная на первой песни.

Итак, находясь в ссылке, опальный Пушкин начал писать радикальную, острополитическую трагедию, за которую можно было ожидать серьезного конфликта с властью государственной. Но, готовый противостоять ее давлению, Пушкин неожиданно подвергся давлению другой, более сильной власти — власти собственного сюжета и лите-

ратурной традиции, которые принудили его сначала изменить жанр предполагаемого произведения, а затем вовсе отказаться от реализации замысла о Вадиме

Примечания

¹ Полн собр русских летописей М, 1965 Т 9—10 С 9

² См, например *Замотин П И* Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе // Филологические записки Воронеж, 1899 Вып 3—5, 1900 Вып 3—5, *Прийма Ф Я* Тема новгородской свободы в русской литературе конца XVIII — начала XIX в // На путях к романтизму Сб научных трудов Л, 1984 С 100—139, *Слонимский А Л* Вадим <комментарий> // Пушкин А С Полн собр соч М, Л, 1935 Т 7 Драматические произведения С 659661, *Кошелев В А* Пушкин История и предание СПб, 2000 С 83—90, *Некрылова А Ф* Комментарий // Плавильщиков П А Собрание драматических сочинений СПб, 2002 С 569—571

³ *Ломоносов М В* Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб, 1766 Ч 2 С 59

⁴ *Екатерина II* Подражание Шакспиру, историческое представление из жизни Рюрика СПб, 1786, То же Российский Феатр СПб, 1787 Ч 14 С 107—166

⁵ *Херасков М М* Царь, или Спасенный Новгород М, 1800

⁶ См, например *Лунин М С* Розыск исторический // Лунин М С Письма из Сибири М, 1987 С 62—65 (Лит памятники), *Муравьев Н М* Любопытный разговор // Восстание декабристов Материалы М, Л, 1925 Т 1 С 321—322

⁷ *Рак В Д* Записная книжка Пушкина ПД 830 (История заполнения л 1—42 об) // Пушкин Исслед и материалы СПб, 2003 Т 16—17 С 30

⁸ *Раевский В Ф* Полн собр стихотворений М, Л, 1967 С 154 (Б-ка поэта Большая серия)

⁹ *Карамзин Н М* История Государства российского СПб, 1818 Т 1 С 115—116

Рольф-Дитрих Кайль
(Бонн, Германия)

«Я СЛИШКОМ С БИБЛИЕЙ ЗНАКОМ», ИЛИ ВЕТХОЗАВЕТНАЯ ТРОИЦА У А. С. ПУШКИНА

Предлагаемые вашему вниманию наблюдения над одним пушкинским текстом являются как бы дополнением к книге Ирины Юрьевой «Пушкин и христианство», а именно к главе «Безумные шалости»¹ Вместо предисловия к этой главе исследовательница цитирует статью С Л Франка «Религиозность Пушкина» (1933) В ней идет речь о каком-то чисто русском *задоре цинизма*, упоминается выражение Бартенева *юродство поэта*, указывается на самую буйную эпоху жизни Пушкина (Кишинев) и на многочисленные кошунства, которые после 1825 г. прекращаются

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

«ОН ВИДИТ НОВГОРОД ВЕЛИКОЙ...»

*Материалы VII Международной пушкинской
конференции «Пушкин и мировая культура»*

Великий Новгород, 31 мая—4 июня 2004 г.

*Конференция проведена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного фонда (РГНФ),
проект № 04-04-14024г*